

Н. А. АБУЕВА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИ ТОТАЛИТАРИЗМЕ

Многими современными отечественными и зарубежными учеными политическая система СССР характеризуется неоднозначно. Это в полной мере относится к практике формирования политической элиты СССР.

Как отмечают З. Бжезинский и С. Хантингтон, советские выборы и другие формы участия населения в жизни общества и “задуманы для того, чтобы выразить одобрение политики лидеров”, служат средством партийно-государственного контроля над народом. Формы политического участия в общественной жизни реального социализма многообразны и обременительны. Власти заботятся, чтобы все участвовали в официальных мероприятиях и в полностью подконтрольных общественных организациях. Демонстрации и собрания, пионерская организация и комсомол, бессильные и послушные профсоюзы – все это нейтрализует возможности рабочего движения. Но чем больше участия, тем меньше реального влияния на ход управления обществом*.

Основополагающими институциональными чертами тоталитарной системы советского типа являются доминирование единственно верной идеологии; монопольное господство одной партии в качестве правящей, которое приводит к сращиванию партийного и государственного аппаратов; гипертрофированное увеличение численности аппарата управления; всесторонний, жесткий контроль и регламентация со стороны государства всех сфер жизнедеятельности общества и т.д. Заметим, что тоталитарный контроль, особенно в сталинский период, распространился на всех без исключения, включая и высший слой политического руководства страны. Отчетливо прослеживается стремление превратить личность в атомизированного индивида, представителя коллектива, “массы”.

Современные западные социологи и политологи обосновывают положение о том, что наличие элиты в обществе и ее основные параметры тесно свя-

заны со структурой власти рассматриваемого общества. Так, П. Драйцел и О. Штаммер, западногерманские социологи, пришли к выводу, что элита демократических обществ отличается от элиты обществ тоталитарных. Господство элиты при тоталитаризме покоится на социальных и политических привилегиях, которые представляет ей само тоталитарное государство. Образование элиты в таких системах происходит сверху вниз. Всякая легальная конкуренция среди элиты в таком обществе отсутствует. Селекция и восполнение происходит на основе автократического принципа**.

Идеология была представлена так: советская власть исходит из первенства интересов пролетариата, выражает интересы народа и потому имеет право на господство. А также изначально был введен институт вождизма. Власть харизматического вождя опиралась на силу “дара”, который признавался почти божественным, на монопольно правящую партию. Лидер коммунистической партии (вождь) представлял собой харизматический тип легитимности, для этого были использованы мощные идеологические инструменты для поддержания мифа об его исключительности, что наделяло его “сверхчеловеческими”, “сверхестественными” способностями и особенностями. Широко декларировался миф о том, что вождь олицетворяет собой народ, отсюда критика его решений и действий исключалась. В точности с теорией “железного закона олигархии” Р. Михельса в коммунистической партии складывается меньшинство – “профессиональное руководство” и руководимое большинство. Это меньшинство образует довольно узкий круг. Олигархическая структура власти вытекает не только из тенденции вождей увековечить и укрепить свой авторитет, но и главным образом следует из инертности масс и из структурных свойств политической организации.

Исследованию советской элиты (особенно ее ядра – партийно-политической верхушки) и ее

* Brzezinski Z., Huntington S. Political Power: USA / USSR. №4. 1965. 270 p.

** Stammer O. Das Eliteproblem in der Demokratie. Schmollers Jahrbuch. 1951. Jg. 71. Hf. 5.

взаимосвязи с другими элитными группами советологи уделяют самое пристальное внимание. Общепринято, что доминирующий слой советского общества неоднороден, он включает в себя ряд подразделений, “каст” или иерархических уровней*. Так, Г. Мейер классифицирует советскую элиту следующим образом:

1. Политическое руководящее ядро (лица, занимающие высшие посты в государстве и партии).

2. Политическая элита. Сюда относятся все номенклатурные кадры ЦК КПСС, которые Мейер разделяет на “стратегическую политическую элиту”. К “стратегической политической элите” он относит в первую очередь всех членов Политбюро ЦК КПСС, а также весь ЦК, всех первых партийных секретарей областей и крупных промышленных городов. К “исполнительной политической элите” – весь кадровый состав тайных служб, военные кадры, а также государственные руководящие кадры, избранные по номенклатуре ЦК союзных республик, т.е. все государственное и экономическое управление (все члены Президиума Верховного Совета и председатели обеих палат Верховного Совета СССР, весь аппарат Совета Министров СССР, председатель Госплана и председатели плановых комиссий союзных республик, министры и их заместители во всех союзных республиках, председатели исполкомов Советов в крупных промышленных городах, директора 50–100 крупнейших промышленных предприятий, являющиеся одновременно членами ЦК КПСС, министр обороны, его заместители, все командиры и члены Генерального штаба, министр иностранных дел, руководители отделов МИДа, послы в крупных капиталистических и социалистических странах и некоторых отдельных странах третьего мира, руководители советских представительств в ООН; управленческий аппарат Министерства юстиции (до руководителей отделов); из представителей комсомола и профсоюза – только члены бюро ЦК ВЛКСМ и члены Президиума ВЦСПС; из сферы культуры – секретари всех творческих союзов и отдельные представители искусства и литературы, имеющие высокий престиж, заработанный официальным признанием властей; главные редакторы центральных газет, президенты академий, наиболее значительные академики, ректоры ведущих вузов страны, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ректоры высших партийных школ при ЦК КПСС.

3. К “исполнительной элите” Г. Мейер относит руководителей второй категории, например, в партийном аппарате – это кандидаты в члены ЦК КПСС, руководители секций, их заместители, партийные секретари всех других (не особенно крупных) областей и городов.

Говоря о “стратегической политической элите” и “исполнительной политической элите” как самых важных частях советской бюрократии, Мейер вводит еще одно понятие – “политическая субэлита”, куда, как говорит Мейер, “по грубому подсчету входит примерно 500 человек от каждой союзной республики”. Это представители кадрового состава партии, руководители КГБ и вооруженных сил, отборные государственные кадры (номенклатура).

Иерархическая лестница субэлиты выглядит, по Мейеру, следующим образом: 1. Руководящее политическое ядро (30–40 человек). 2. Политическая элита (около 5000, из них – “стратегическая элита” около 1200 человек, из этих последних – 250–300 человек являются наиболее представительными членами ЦК КПСС, наконец, 3500 – “исполнительская элита”).

Предположительно политическая субэлита составляет от пяти до десяти тысяч человек. В целом же высший слой управленческой бюрократии охватывает, по подсчетам Мейера, около пяти миллионов человек [1].

З. Бжезинский и С. Хангтингтон в своей вышеуказанной работе подчеркивают, что вся политическая деятельность партийно-государственных руководителей пронизана идеологией и предлагают классифицировать элиту исходя из этой стороны жизни партии. Ими отмечается, что с точки зрения их связи с идеологией советские лидеры могут быть разделены на три группы. Первую группу, по их определению, составляют коммунистические “эксперты” или технократическая бюрократия, т.е. высшие руководители экономики и армии, те лица, которые соприкасаются с задачами поддержания жизнедеятельности социалистической государственной машины. (В прошлом это были А. Косыгин, А. Микоян, Д. Устинов). Как правило, эта группа рекрутируется по профессиональному признаку из среды технической интеллигенции и частично из числа специалистов-агрономов. Они представляли собой более прагматичное и менее идеологизированное крыло высшего политического руководства.

* Гонтарева И.Б. Советская бюрократия-82. Алма-Ата, 1992.

Появление этой группы политической элиты связано с научно-технической революцией и потребностями обеспечить определенный технологический уровень советского общества и относится “ко времени хрущевской оттепели”, то есть второй половине 50-х – началу 60-х годов. Так, советская политическая система включила техническую иерархию в систему политического контроля. Надо отметить, что и к началу 90-х годов, несмотря на пятилетние попытки политической реформы, существенных изменений именно в этой группе партийно-государственной элиты не произошло. Например, профессиональный состав Президентского совета, сформированного в марте 1990 года, носил ярко выраженный технико-экономический характер: из 16 членов четверо имеют инженерное образование (В. Бакатин, Ю. Маслюков, Г. Ревенко, Н. Рыжков), трое экономическое (С. Шаталин, Е. Примаков, В. Болдин), один агроном (А. Каулс), один военный (Д. Язов), один юрист (В. Крючков), один рабочий (В. Ярин), один ученый-физик (Ю. Осепьян), два писателя (Ч. Айтматов, В. Распутин) – дань времени, и два члена имеют педагогическое образование (Э. Шеварнадзе, А. Яковлев), но в данном случае образование особого значения не имеет, так как и Шеварнадзе и Яковлев до избрания их в Президентский совет принадлежали к партийной элите, являясь членами Политбюро ЦК КПСС.

“Технократам” противостояла “идеология” – специалисты по агитации и пропаганде. В период правления Л. И. Брежнева таковыми выступали, по словам американских авторов, М. Сулов и О. Куусинен. Эти члены партийной верхушки были заняты выработкой официальной идеологии и поддержанием в обществе ее власти и авторитета. Они наиболее догматичны, очень мало склонны к гибкости и прагматичным решениям. Они традиционно имели значительный вес в партии. Авторитет “идеологов-теоретиков” партии был освящен пиететом к В.И. Ленину, крупным партийным деятелям первых лет революции. Поэтому даже высшие руководители всегда стремились приобрести авторитет теоретика марксизма-ленинизма, что необходимо было для узаконения их высшего положения в глазах партийной массы. И, наконец, высшие лидеры составляли особую, третью группу элиты – группу “составителей общей программы действий”, так называют ее З.Бжезинский и С. Хантингтон. Имен-

но эти лица (т.е. те, кто непосредственно возглавлял партию, играли в партии главную роль, обеспечивая ее интеграцию путем уравнивания прагматической и догматической позиций, так как партия является одновременно и бюрократической и идеологической организацией). Здесь З. Бжезинский и С. Хантингтон характеризуют внутреннее строение государственно-бюрократической элиты, которое сложилось после смерти Сталина и мало место до середины 80-х годов. К 1991 г. значительно ослабла роль по сравнению с предыдущими годами “идеологов-догматов”, они явно уходят на второй план, об этом свидетельствует конец политической карьеры Е. Лигачева, претендовавшего на роль первого идеолога в стране.

Большой социально-политический, как нам кажется, интерес представляют исследования западных социологов, которые имеют своей целью составить социальный портрет советской элиты, выяснить особенности политической карьеры в советском обществе. Говоря о социальном происхождении лиц, входящих в бюрократическую элиту, многие западные исследователи отмечают, что абсолютное большинство их является выходцами из рабочих и крестьян. З. Бжезинский и Холландер отмечают, что в советском обществе существует двойной стандарт престижа: официальный и неофициальный. Поэтому лица, обладающие высшей властью в советском обществе – партийная элита, необязательно имеют высший престиж среди населения в целом. Высшим престижем наделены неполитические занятия, прежде всего в сфере искусства и науки. Кроме того, и доходы, и стиль жизни (особенно возможность поездок за границу) у научной и творческой элиты могут быть предпочтительнее*.

З. Бжезинский также отмечает, что престиж политической работы и карьеры среди советского населения в целом низок и представители городского среднего класса не очень к ней стремятся. Поэтому среди других элитных групп политическая элита по происхождению связана со слоями, лежащими в основании стратификационной структуры. Именно для детей рабочих и крестьян, возможности которых ограничены, политическая карьера наиболее привлекательна, так как представляет возможность быстрой социальной мобильности снизу вверх. Другую такую возможность представляет военная карьера и, таким образом, военная и поли-

* Hollander P. Soviet and American Society: a comparison. №7. 1973. 292 p.

тическая элиты близки по своему социальному происхождению.

Карьера советского профессионального политика, как отмечает З. Бжезинский, – это карьера аппаратчика. Она протекает в изолированном бюрократическом окружении и напоминает военную карьеру. Такая карьера предполагает постепенное продвижение снизу вверх по ступенькам иерархической лестницы. Обязательны строгая дисциплина и субординация, а успешное продвижение предполагает протекцию. Организована особая система обучения высших чинов, пополняющих впоследствии слой управляющей бюрократии: партийные школы различных уровней. И, конечно же, важнейшей чертой бюрократической иерархии является принцип номенклатурного назначения на должности.

Говоря о профессиональном составе советской элиты, советологи отмечают, что подавляющую часть высшей бюрократии составляют профессиональные идеологи, технократы, военные и иные специалисты, таких около 40 %, доля же представителей гуманитарных профессий мала и составляет не более 10%.

Среда формирования высшего руководства ограничена партийным и государственным аппаратом. Однако в советском обществе не существует определенного демократического порядка замещения высших должностей в партии и государстве. Поэтому периоды стабильности сменяются периодами борьбы за власть. Происходит постоянное движение в составе элиты: подбираются сторонники в нижних этажах иерархии и происходит вытеснение противников. Положение даже самых высокопоставленных лиц на этом уровне ничем не гарантировано и довольно шатко.

Холландер отмечает, что элитный статус в советском обществе может быть легко потерян. Западногерманский политолог К. Бойме, выделяя, как и Г. Мейер, кадровую бюрократию в качестве советской бюрократической элиты, замечает, что именно эта часть бюрократии является в большей степени величиной непостоянной, так как она часто подвергается “чистке”.

И, наконец, еще одно важное измерение социального облика советской элиты, или, вернее, индикатор ее социального положения – стиль ее жизни. Стиль жизни бюрократической элиты целиком

определяется ее политическими привилегиями. Именно эти привилегии в условиях, когда жестко централизованный государственный контроль пронизывает все клетки советского общественного организма, позволяют бюрократической верхушке создать для себя особые условия жизни. Эти особые условия создавало для себя еще первое поколение победивших революционеров. Нам кажется, что аскетический облик “старой партийной гвардии” должен быть дополнен и иными чертами. Развитая система социальных привилегий элиты стала формироваться еще в тридцатые годы – “сталинская рестратификация”, как ее называет Холландер. Она насаждала централизованным способом разные материальные условия и престиж различных социальных групп, что можно было легко сделать при строгом централизованном контроле за распределением. С тех пор и сложился особый стиль жизни советской элиты, главными чертами которого западные исследователи называют: гораздо более высокий, по сравнению с широкой массой населения СССР, уровень благосостояния, специальное снабжение, возможность (а в определенные периоды советской истории и почти исключительная привилегия) совершать зарубежные поездки, возможность для детей элиты получать более престижное или высокое по качеству образование и т.д.*

Но для элиты возникает проблема: как совместить столь очевидное неравенство в собственных условиях жизни и официальные догмы о равенстве и социальной справедливости. Выход видится в замкнутости элитного слоя, отъединенности его от общества и населения. Советологи замечают, что стиль жизни и уровень потребления советской элиты – это почти государственный секрет**. Замкнутость и секретность являются важным фактором сохранения стабильности такой системы социального неравенства, так как в советском обществе не существует установившейся системы узаконения особых прав элиты.

С. Кордонский предложил интересное авторское видение структурирования ветвей власти при рассмотрении уровня “СССР в целом”. Этот уровень образован четырьмя ветвями: административной, политической, представительской и контрольной, строение которых воплощено в иерархизированных списках должностей. Ветвь политического руководства

* Гонтарева И.Б. Советская бюрократия – 86. Алма-Ата, 1992.

** Там же.

возглавлялась генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС, которому были подчинены секретарь ЦК – руководитель Секретариата ЦК и секретари ЦК КПСС, курирующие отдельные сферы управления. Административная ветвь возглавлялась председателем Совета Министров СССР, которому были подчинены первые заместители, часть которых, в свою очередь, возглавляла рабочие органы Совета Министров – бюро по отраслям народного хозяйства. Отдельные министры СССР в зависимости от членства в координирующем органе управления – Политбюро ЦК КПСС – занимали посты, эквивалентные первым заместителям председателя Совета Министров СССР. Это – министр иностранных дел, председатель Комитета государственной безопасности и министр обороны. Следующий уровень иерархии административной ветви составляли посты заместителей председателя Совета Министров СССР, часть которых также являлась главами бюро Совета Министров. Представительская ветвь власти возглавлялась председателем Президиума Верховного Совета СССР, которому были подчинены первый заместитель и заместители – представители всех союзных республик. Следующий уровень иерархии в этой ветви – председатели палат Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, которые координировали деятельность председателей постоянных комиссий палат Верховного Совета. Члены постоянных комиссий, как и все другие функционеры представительской ветви, выбирались из числа депутатов Верховного Совета. Особенностью этой ветви являлось отсутствие субординационных отношений. Контрольная ветвь в этом блоке макроструктуры характеризуется отсутствием первого руководителя. Отсутствие высшего руководителя контрольных служб страны и их разноместность затрудняют соотнесение должностей в иерархиях. Высшими руководителями являлись генеральный прокурор СССР, председатель Верховного суда СССР, председатель Комитета народного контроля, в то время как ранги руководителей других контрольных служб

несколько ниже (в частности, руководителей ведомственных инспекций, заместителей министров соответствующих министерств) [2].

Таким образом, советское государство создавалось как противоположность правовому, буржуазному государству, где отрицались такие принципы правового государства, как разделение трех ветвей власти, верховенство закона, контроль гражданского общества за деятельностью институтов власти. Предполагалось, что будет быстрый переход от государственного управления к самоуправленческим формам общественного управления, достижение высокого уровня политической культуры граждан, что способствовало бы трудящимся подняться до повседневного управления обществом. Здесь причина отсутствия механизма смены элиты законной, точно регламентированной передачи власти от одного вождя к другому, так как основоположники советского государства искренне полагали, что оно (т.е. государство) будет быстро отмирать и все будет управляться через коммуны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мейер Г. Социалистическая бюрократия. Штутгарт, 1977. 331 с.
2. Кордонский С. Рынки власти. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 650.

Резюме

Демократия саяси жүйесі қарастырылған. Және мақала саяси элита проблемасындағы маңызды мәселелерді ашуға арналған. Автор саяси элита теориясы мәселелері мен демократия мәселелерін жан-жақты талдап, маңызды қорытынды жасайды. Сонымен қатар, қазіргі кезеңдегі демократия жағдайын да назардан тыс қалдырмайды.

Summary

The political history and spiritual past require in the objective respective attitude. In the article, the author analyzes the different opinions of scientifics on the to democracy political system and the political management. The view on the role of the democracy political system and the political management of Kazakhstan in the process of transit to democracy.

КазНПУ им. Абая

Поступила 2.02.06г.